

УДК: 94 (477.7)

САМОЙЛОВ Ф.О.,

Одеський національний університет імені І.І. Мечникова.

Самойлов Федір Олександрович (1947 р. н.). У 1971 р. з відзнакою закінчив історичний факультет Одеського державного університету ім. І.І. Мечникова. В 1981 р. захистив дисертацію на науковий ступінь кандидата історичних наук. Завідував кафедрами історії СРСР (1988-1991), історії Росії та СРСР (1991-1996), нової та новітньої історії (1996-2008) Одеського національного університету імені І.І. Мечникова. В 2007 р. присвоєно звання професора з кафедри нової та новітньої історії.

Автор, укладач 7 книг та навчальних посібників, співавтор 8 колективних монографій, опублікував понад 150 інших наукових праць у вітчизняних та зарубіжних виданнях. Сфера наукових інтересів – *соціально-економічний та культурний розвиток Росії та України, історії Одеси та Одещини другої половини ХІХ – початку ХХ ст.*

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ “ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА” В ОДЕССКОМ ОКРУГЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)

У статті на матеріалах Державного архіву Одеської області та інших історичних джерел розглядаються форми та методи здійснення партійними та радянськими органами політики “ліквідації куркульства як класу” в Одеському окрузі.

This article deals with the forms and methods of the Party and Soviet authorities' policy of “Liquidation of the kulak” on the materials of the Odessa region State Archives.

Одной из самых трагических страниц истории Украины является коллективизация и раскулачивание, приведшее к “раскрестьяниванию” деревни, массовым репрессиям и голоду 1932-1933 гг., унесшему миллионы человеческих жизней.

Последние годы активизировался исследовательский интерес к проблеме голодомора 1932-1933 гг. В публицистике, научной литературе обсуждается вопрос, был ли голод геноцидом украинского народа, каким было количество жертв трагедии, как создавался и действовал механизм истребления тех, кого большевистский режим считал “классовыми врагами”. Исследования основываются как на источниках, касающихся республики в целом [1], так и материалах, отражающих региональные особенности трагедии [2].

Однако даже в этих изданиях не всем авторам удалось избежать идеологизированных штампов прошлого. Примером может служить вышедший в 1990 г. сборник “Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів”, в который вошли как документы и

материалы из рассекреченных фондов различных архивов, так и статьи ученых, освещавших социально-экономические, демографические и морально-гуманитарные аспекты проведения в республике политики коллективизации и хлебозаготовок, ставшие причиной голода, имевшего трагические последствия [3]. Вместе с тем, авторам сборника, в частности С.С. Дибровой, не удалось полностью избавиться от большевистского подхода к оценке проводимого в 1920-е гг. кооперирования крестьянства. Автор считает, что оно “все больше становилось объективной необходимостью”, что наступление на так называемые “капиталистичні елементи села, на кулака... були важливими елементами аграрної політики партії” [4].

В исследовательской литературе нашли в определенной мере события, связанные с коллективизацией, мотивами и формами сопротивления крестьянства мероприятиям советской власти на Одещине [5]. Однако следует отметить, что несмотря на привлечение интересного конкретно-исторического материала, одесским

историкам не удалось избежать тенденциозности в виду исключительно классового подхода к оценке событий, связанных с подготовкой и проведением коллективизации и раскулачивания, вскрыть истоки и истинные цели аграрной политики большевиков, раскрыть отношение к ней крестьянства. Сопротивление селян проводимым советской властью мероприятиям расценивалось ими как террор, а репрессии по отношению к крестьянству как объективно необходимые и оправданные.

Остается фактически неизученной проблема раскулачивания представителей национальных меньшинств на Одещине. Попытка освещения этого аспекта проблемы предпринята была в работе С.О. Гусева и М.М. Цобенко [6], однако им не удалось избежать прежде распространенных стереотипов, для их исследования характерно преувеличение роли КПСС в решении национального вопроса. Более критически рассматривает политику коммунистической партии в сфере межнациональных отношений в период коллективизации А.В. Гонтарь [7].

В 1981 вышел в свет сборник документов и материалов, посвященных социально-экономическому и политическому развитию Одесщины в 1921-1941 гг. [8]. В 1985 г. историками Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова составлен и издан сборник не публиковавшихся ранее документов и материалов, извлеченных из фондов Государственного архива Одесской области, музеев области, прессы, призванных проиллюстрировать официальную точку зрения на ситуацию в СССР, на фоне которой разворачивались трагические события конца 1920-х гг. [9]. Общим недостатком указанных сборников является тенденциозность в подборке документов и материалов для оправдания политической линии и практических действий большевистской партии в указанные годы, что, по сути, искажало реальное положение дел в селах, населенных пунктах региона в годы коллективизации и раскулачивания.

Новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся со второй половины 1980-х гг. в СССР и с начала 1990-х гг. в независимой Украине, позволяет исследователям на основе вновь вводимых в научный оборот источников, отказа от старых стереотипов в трактовке, интерпретации известных ранее конкретно-исторических материалов, более объективно раскрывать сущность процесса большевистского “социалистического преобразования” сельского хозяйства на рубеже 1920-х – 1930 гг.”

Одним из важных источников по указанной теме являются материалы центральных и местных газет “Червоний степ”, “Чорноморська комуна” за 1920-1930 гг. (передовые статьи, информации и статьи специальных корреспондентов, гневные разоблачения “врагов” революции, парадные доклады об успехах в создании колхозов...). Источники этой группы позволяют лучше почувствовать атмосферу в тогдешнем селе, характер отношения рядовых партийных и советских работников к директивам руководящих структур ВКП(б), однако следует учитывать, что они фактически не дают объективных данных об истинном положении крестьянства Одесщины, часто выдают желаемое за действительное.

Значительный массив неопубликованных документов, содержащих важные данные и факты о положении крестьянства региона в рассматриваемый период, содержат фонды Государственного архива Одесской области (далее – ГАОО).

Эти архивные документы условно можно разделить на три группы: первая – это циркуляры,

постановления и другие подобного рода материалы, проступавшие в Одесский округ “сверху”; вторая – постановления, распоряжения, принятые окружным исполкомом и окружными партийными органами, а также их органами на местах (в районах, сельсоветах); третья – докладные записки, рапорты, заявления, жалобы, поступавшие от жителей деревни, руководящих органов сельсоветов в окружной исполком и окрпарткомитет.

Если первая группа документов касается общего положения дел в бывших СССР и УССР в связи с проведением коллективизации и раскулачивания, то вторая и третья группы позволяют непосредственно исследовать проблему сопротивления крестьянства этой кампании, выявить мотивы и формы сопротивления крестьянства “раскулачиванию”, а также рассмотреть процесс.

К первой группе относятся материалы ГАОО из фонда № 7, в том числе дело № 2179 – “Постановления и директивы ЦК КП(б)У о промышленности и сельском хозяйстве с 5 января по 31 декабря 1929 г.”, куда вошли тексты протоколов заседаний Политбюро ЦК КП(б)У; резолюции Оргбюро ЦК КП(б)У; резолюции Всеукраинского кооперативного совещания; постановления Политбюро ЦК КП(б)У; резолюции, циркуляры ЦК КП(б)У окружкомом республики. Сюда же относится дело № 2176 – “Информсводки ЦК ВКП(б) по вопросам соцсоревнования в промышленности, о хлебозаготовках и кулачестве, займе индустриализации и др.”, охватывающее период с 27 января по 29 декабря 1929 г. Из этого дела особый интерес представляет сводка “Некоторые моменты подготовительной кампании к перевыборам советов в деревне”, в которой обобщены политические и экономические требования кулачества, методы его противодействия советской власти. Важные сведения по рассматриваемой теме содержит дело № 1578 – “Обзоры ЦК КП(б)У о коллективизации, посевной кампании, о помощи бедноте, о настроениях населения” (12 июня – 3 декабря 1928 г.). Все документы этой группы пронизаны классовым подходом в оценке сложившегося в деревне положения, курса руководящих органов партии на самые жесткие меры в отношении кулачества, которое квалифицировалось как исключительно антисоветская сила.

Вторая группа документов включает материалы того же фонда 7 ГАОО, касающиеся реакции местных советских и партийных органов на решения, принятые в “верхах”. Сюда относятся протоколы совещаний, отчеты и переписка Окрземотдела о коллективизации (2 февраля – 13 ноября 1928 г.) [10]; протоколы окрбюро нацменьшинств (14 января – 19 декабря 1928 г.) [11]; стенограмма окружного совещания по строительству машинно-тракторных станций на Одещине 25 октября 1929 г. [12]; переписка по поводу мобилизации работников на хлебозаготовки с 6 января по 21 января 1928 г. [13]; приказы по окружной милиции (1930 г.) о борьбе с преступностью [14]; документы (отчеты, информации, переписка) межрайонной прокуратуры с 1930 по 1932 г. [15]; постановления, циркуляры и переписка окружкома о коллективизации села, раскулачивании, переводе милиции на военное положение (12 февраля – 26 июня 1930 г.) [16]. Эта группа документов позволяет более объективно установить истинные цели коллективизации и раскулачивания, выявить роль окрпарткомитетов и окрисполкомов в реализации указаний центральных партийных и советских органов.

Третья группа документов позволяет составить общую картину восприятия политики властей

различными категориями крестьянства, мотивы и формы их сопротивления этой политике. На наш взгляд, наиболее важными в этой группе являются материалы ГПУ. Эти документы носили более объективный, чем другие источники того времени, характер. Это объясняется, очевидно, тем, что, во-первых, в конце 1920-х годов среди сотрудников этих органов было еще немало старых кадров, которые считали своим долгом давать объективную информацию с мест. Во-вторых, если бы докладные ГПУ не отражали реальное положение дел на местах, то советская власть не могла бы своевременно принимать меры в отношении тех, кто активно противодействовал ее курсу. Так, дело “Спецводки и докладные записки ГПУ о недостатках в народном образовании, о нацменьшинствах, сельхозналоге, хлебозаготовках и др.” за период с 30 июля по 21 августа 1928 г. содержит докладные записки, информации о политической ситуации в округе, о настроениях рабочих и безработных Одессы, об отношении крестьян к сельхозналогу, о деятельности хлебозаготовительных комиссий [17]. За 1929 год подобные и другие сведения содержит дело “Спецводки и докладные записки ГПУ о ликвидации контрреволюционных групп “Земляки”, “Бедняки”, “Братья” о ходе хлебозаготовок, о займе индустриализации” и др. [18]. Ряд дел содержит списки раскулаченных, переписку с райисполкомами о лицах, привлеченных к суду за “искривление” классово-линии в решении вопросов свободного завоза крестьянами сельхозпродуктов для продажи на городских рынках, прошения родственников и односельчан о пересмотре дел раскулаченных, переписку о беглых арестантах, протоколы заседаний окружной комиссии по пересмотру списков лишенных избирательных прав, материалы о реакции представителей нацменьшинств на аграрную политику Советской власти и КП(б)У и др. [19]. Часть указанных дел, которые велись как на украинском, так и на русском языках, обозначены грифом “зовсім таємно” или “совершенно секретно”. Докладные записки, инструкции, информации, исходящие из органов ГПУ и предназначенные для узкого круга представителей высшего партийного и советского руководства, отличались относительной объективностью; материалы же пленумов, совещаний отмечены печатью политизированности, они призваны были создать благополучную картину состояния дел в аграрном секторе экономики. Правдивую информацию о жизни в тогдашней деревне содержат и коллективные письменные заявления, обращения крестьян с просьбами отменить несправедливые решения властей о раскулачивании их односельчан. Таким образом, имеющиеся источники, и, в первую очередь, впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, позволяют осветить ряд аспектов темы, связанной с осуществлением в Одесском округе курса партии на “ликвидацию кулачества как класса”.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. “О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству” не содержало никаких разъяснений по поводу того, как проводить раскулачивание, а лишь подтверждало “недопустимость приема кулаков в колхозы” [20]. Не внесла ясности в эти вопросы и опубликованная вскоре передовая статья в газете “Правда” – “Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня”, в которой предпринималась попытка обосновать необходимость “объявить кулачеству войну не на жизнь, а на смерть и

в конце концов смести его смести его с лица земли” [21].

В Одесском округе в это время практически завершалась кампания коллективизации. 8 января 1930 г. окружной земельный отдел принимает постановление № 3/35 и рассылает его с грифом “цілком таємно” во все райисполкомы. В нем, в частности, предписывалось: “Згідно з постановою РНК УСРР від 13.XII.1929 р. (протокол № 45-950, п. 3), ухвалено організувати переселення з прикордонних округів УСРР на фонди Сибіру осіб, яких визнано суспільно-небезпечними для перебування в межах прикордонної смуги”. Кто же попадал под категорию подлежащих выселению согласно данному постановлению? По линии милицейского надзора к ним относились: “а) подозрілі в пограбуванні, бандитизмі, конокрадстві, хуліганстві; б) особи, що мають зв’язок з куркулями та підкуркульниками; в) родини адміністративно засланих за карні злочини; г) особи, що повернулися з адміністративного заслання” [22].

Таким образом, в принципе любой крестьянин мог быть подведен под данную категорию. По линии ГПУ высылке подлежали: “а) особи, що відбували кару за контрреволюційні злочини; б) повернені з адміністративного заслання; в) колишні поміщики, поліцаї, жандарми; г) особи, що мають родичів за кордоном; д) вичищені за нецінність з радянського апарату; ж) перебіжчики, що залишилися в погрансмугі; з) бувші офіцери контрреволюційних армій і учасники політбанд та контрреволюційних організацій”.

Комиссиям райземотделов предписывалось немедленно организовать работу по вопросу выявления социально опасных личностей, собирать компрометирующий материал на этих лиц, завести учет их личного и членов семей имущественного состояния. Эти же комиссии должны были составить планы переселения этих лиц на 1930 г. и представить Окрземотдел до 30 января 1930 г. [23].

30 января 1930 г. Политбюро партии большевиков утвердило Постановление ЦК ВКП(б) “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации” [24]. В этих районах предполагалось не только отменить аренду земли и запретить применение наемного труда, но и конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции и семенные запасы.

Конфискованные жилые постройки передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов. Паи и вклады кулаков в кооперации поступали в фонд коллективизации, а их владельцы исключались из кооперативных объединений. При этом “контрреволюционный актив” кулачества – организаторы антисоветской деятельности – должны были арестовываться и репрессироваться как политические преступники, а члены их семей выселяться в северные и отдаленные районы страны (I категория переселяемых). Туда же выслались вместе с семьями крупные кулаки и бывшие помещики, словом и делом активно выступавшие против коллективизации (II категория). Остальную, самую многочисленную часть бывших кулаков, предполагалось расселить (после раскулачивания) на территории района на специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях (III категория).

Желая продемонстрировать перед центральными партийными и советскими органами власти успехи в проведении коллективизации в Одесском округе, местное начальство активно искало повод для начала массовых репрессий.

30 января 1930 г. под грифом “зовсім таємно” завокрадминотделом Люд-Цинцар издает приказ № 229/т, в котором отмечалось, что кулаки, зажиточные крестьяне заметно активизировались в борьбе с советской властью, что “антирадянський элемент використовує сільську кримінальщину й декласований елемент села”, а поэтому необходимо очистить деревню от этих лиц [25].

Вообще для партийно-советских директив сверху было характерно завуалированное желание выдать “социалистическую реконструкцию деревни” как инициативу самых широких крестьянских масс, которую партия лишь помогала реализовывать, иногда вынуждена была даже сдерживать “бьющую через край” местную инициативу. Меры по коллективизации села, предлагаемые партий носили, якобы лишь рекомендательный, но отнюдь не обязательный характер. Делалось это, во-первых, для того, чтобы снять с центральной власти ответственность за чинимые в отношении наиболее предприимчивой и успешной в своей трудовой деятельности части крестьянства насилия и возложить ее на самих же крестьян; во-вторых, чтобы создать видимость легитимности, непогрешимости своего курса, который, если иногда и принимал чрезмерно жесткий характер, то лишь из-за “самодеятельности” местного начальства, что приводило к “искривлениям” политики партии на селе. Предназначенные для агитации среди беднейшей части крестьянства и привлекавшегося к проведению политики партии на селе рабочего класса циркуляры, постановления партийных и советских органов носили более мягкий, гуманный, даже привлекательный характер; содержание документов этих же органов “для своих” структур разного уровня были совершенно иными, поэтому они всегда носили гриф “цілком таємно”.

Такой подход хорошо виден на примере циркуляра исполкома округа за подписью его председателя Гавемана в подотчетные ему райисполкомы. В документе отмечалось, что “згідно з постановою бюро окружного партійного комітету від 26.01.1930 р., округовий Виконавчий комітет пропонує (!) всім головам РВК не пізніше 5 лютого скласти списки куркулів та тих, що вже розкуркулено, як і тих, що підлягають розкуркуленню”. В документе особо подчеркивалось, что “водночас з проведенням заходів щодо ліквідації куркульських господарств, треба вигнати всіх куркулів з колгоспів. При виключенні їх з колективних господарств ніяке майно (худоба, реманент, будівлі) їм не повертаються”. Особое внимание предписывалось уделить вопросу выявления лиц, подлежащих выселению из сел и районов.

О том, что данный циркуляр был не предложением-пожеланием, а указанием для строгого выполнения, видно из следующих фраз документа: “по тих селах, де від куркулів майно вже забрано, потрібно (!) на загальних зборах бідноти та наймицтва колгоспів зробити доповідь про наслідки розкуркулення з повним визначенням майна, що вже відібрано, і обміркувати, як його найкраще використати. Збори повинні (!) винести ухвалу на підтримку проведення заходів і, крім того, винести постанову про виселення з села тих куркулів, що будуть намічені для виселення”. Однако часть крестьян, даже из числа бедноты, не соглашалась с этими указаниями “сверху”. Движимые чувством элементарной справедливости, они говорили о кулаках, середняках, как о хозяевах, которые умели хорошо вести свое хозяйство, сами с членами своей

семьи трудились, что называется, “от зари до зари”. Поэтому в циркуляре отмечалось: “в тих селах, де сільради не сприяють розкуркуленню куркулів, потрібно такі негайно переобрати, забезпечивши їх склад відповідними робітниками” [26].

О неоднозначном, а нередко и враждебном отношении крестьянства к политике коллективизации свидетельствует и секретный приказ № 13/6 “Про перевод районної міліції округи на бойовий стан” [27], хотя следует иметь в виду, что практически все коммунисты и комсомольцы сел, представители местной власти имели оружие [28]. Действия органов ГПУ, милиции и вооруженного актива подкреплялись маневрами в регионе частей Красной Армии, которые проводились в это время под видом учений [29]. Предвидя серьезные последствия, которые могут возникнуть в результате осуществляемых по отношению к зажиточному крестьянству мер, органы окружного ГПУ решили предварительно провести операции по изъятию в селах оружия. В конце 1929 г. такие меры уже предпринимались, а 4 февраля 1930 г. решено продлить их проведение еще на три месяца [30]. В те дни из Москвы была получена секретная инструкция Президиума ЦИК СССР от 4 февраля 1930 г., в которой указывалось: “...в целях решительного пресечения влияния кулачества на отдельные прослойки бедняцко-средняцкокого крестьянства и безусловного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков с помощью сил местного рабочего и бедняцко-средняцкокого актива выслать в разные районы СССР кулацкий актив, богатых кулаков и подкулачников, остальных расселить в пределах округа... В этой связи широко использовать систему осведомителей” [31].

14 февраля 1930 г. председатель Окрисполкома Гавеман подписал циркуляр № 100 (первый документ на русском языке) с грифом “совершенно секретно”, “только для председателей райисполкомов”, в котором разъяснялось, что раскулачиваемым разрешалось оставлять “только самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые простейшие средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте, минимум продовольственных запасов на два месяца и не более 500 рублей для переезда и устройства на новом месте. Сберегательные книжки и облигации государственных займов предписывалось отбирать и заносить в опись с выдачей расписки о направлении их в на хранение в ближайшие местные сберегательные кассы или окрфинотдел”. Всякая выдача кулакам их вкладов сберкассой, а также выдача ссуд под залог облигаций категорически запрещалась. Особо акцентировалось внимание на том, чтобы “кулаки не успели до конфискации ликвидировать свое имущество” [32].

Местные власти ради собственной карьеры, желая выслужиться перед начальством, форсировали проведение коллективизации. Газета “Правда” писала по этому поводу: “В Одесском округе раскулачивание охватило все районы. Сотни кулаков выселены с передачей всего имущества колхозам. В одном Червонно-Повстанческом районе за три дня выселено 200 кулаков” [33].

В то же время, власти волновали и некоторые, как они считали, недостатки в проведении раскулачивания и сплошной коллективизации. Но под этими недостатками понимались не методы проведения кампании, а недопустимая мягкость, проявляемая при этом к кулакам. Так, в одной из сводок отдела печати и

информации СНК СССР от 12 февраля 1930 г. указывалось, что “в некоторых колхозах Березовского района Одесского округа господствует смягченное представление о раскулачивании. Эти колхозы поняли раскулачивание только как формальную очистку колхозов от кулаков, а не экономическое уничтожение кулачества как класса. В результате у 46 раскулачиваемых хозяйств забрали всего 25 лошадей (несколько месяцев назад они имели 70 лошадей), 23 коровы, 9 овец и 164 кг пшеницы. Остальное зерно вывозилось кулаками ночью на колхозных лошадях. В селе Подкоуровке того же района к раскулачиванию еще не приступали. Здесь вместо раскулачивания местных кулакам предложили сдать 2 тонны семян. В Куртовском сельсовете Тарасо-Шевченковского района сход крестьян постановил купить у кулака для общественных нужд его постройки за 2400 рублей” [34].

Такая критика призвана была подтолкнуть местные власти, ретивых исполнителей из числа сотрудников карательных органов к более решительным действиям. Расчеты оправдались: вместо того, чтобы собирать компрометирующий материал на “потенциальных врагов” соввласти, работники ГПУ без разбирательства стали арестовывать последних в ускоренном порядке готовить их к высылке [35].

В некоторых сельсоветах решили вообще обойтись без помощи “компетентных органов” и принялись “наводить порядок” по собственному разумению. Так, в Златоустовском сельсовете Березовского района уполномоченный РИКа по хлебозаготовкам, член партии Питт лично определил 24 хозяйства, якобы уклонявшихся от сдачи хлеба.

Для того, чтобы “проучить” нарушителей для острастки других, уполномоченный принял решение о запрете им пользоваться водой из колодцев сельсовета. В ходе “разбирательства” с кулаком Степаном Булавенко Питт избил последнего, а еще одного зажиточного крестьянина силой вытолкнул из сельсовета. Председатель сельсовета продолжил свое самоуправство и в воскресенье: им были заготовлены плакаты с унижающим человеческое достоинство содержанием, с которыми зажиточные крестьяне должны были под музыку пройти через все село [36].

Чтобы крестьяне ночью тайно не увозили хлеб для продажи в город, в некоторых колхозах председатели организовывали дежурства комсомольцев и деревенского актива из числа бедняков.

При широком использовании таких методов дела в округе пошли “на поправку”. Например, в упоминавшемся уже Березовском районе, который в начале года критиковали за мягкость в проведении коллективизации, быстро перестроился, и в информационной сводке Колхозцентра СССР от 25 февраля 1930 г. сообщалось, что здесь передано колхозам 165, а батракам 105 кулацких домов; колхозы обогатились 750 головами крупного рогатого скота, им переданы тысячи единиц сельхозинвентаря, изъяты тысячи центнеров хлеба [37]. Архивные документы свидетельствуют о том, что преследовались не только кулаки, но и их дети, другие члены их семей.

Органы ГПУ настолько увлеклись охотой на врагов советской власти, что решено было даже организовать социалистическое соревнование в этом деле среди своих работников [38]. Такой “стимул” для органов милиции и ГПУ возымел действие. В самые короткие сроки были оформлены дела на “врагов”: в Гильденфорде за агитацию против мероприятий власти были заведены дела на Г. Ильева; в Бурлачьей

Балке – на Михайлова и Заборя; в Новой Дофиновке – на Шпильчена; в Крыжановке, по заявлению Анны Троянской, – на Безобразова; в Потриваевске – несколько дел за антисоветские высказывания [39].

Активную помощь в работе советским органам оказывали доносители, сочинявшие различные измышления на своих сослуживцев, односельчан, соседей, как это делал, например, секретарь секции рабоче-крестьянской инспекции Овидиопольского района Дратва, подписывавший свои “послания” псевдонимом “Наблюдающий” [40].

Многие крестьяне страдали и от несправедливых действий администраций одесских рынков: здесь под разными предлогами у них отбирали товар и сдавали его в кооперацию, а самих продавцов штрафовали и даже отдавали под суд; самым распространенным нарушением по отношению к продавцам сельхозпродукции было двух-трехкратное завышение налогового сбора. Эти и подобные действия были применены, например, к крестьянам: Останковой из села Тоицкое Червононо-Повстанческого района; Луценко из села Майоры Захарьевского района; Дариенко из Фрунзевского района и др. [41].

И все же в самой деревне крестьяне испытывали на себе несправедливость в гораздо больших масштабах. Чтобы привлечь их в колхозы, власть применяла различные методы: к кулакам – репрессии, к зажиточным и малоимущим – силовое давление. В Ново-Петровском сельсовете Жовтневого района угрожали судом и конфискацией имущества тем, кто не обобществит лошадей, запрещали не членам колхозов продажу товара в кооперативных магазинах; в Барановском сельсовете Тарасо-Шевченковского района неединичными были случаи, когда у отказывавшихся вступать в колхозы отбирали дома, угрожали судебным преследованием. Только в одном Овидиопольском районе в ходе данной кампании у крестьян было отобрано имущества, скота, инвентаря на сумму 315 989 рублей и все это передано колхозам [42].

В процессе раскулачивания и сплошной коллективизации пострадали не только “тело” и “добро” крестьянина, но и его душа, вера. В Одесском округе большинство населения составляло крестьянство и почти все люди были верующими. Естественно, церковь не могла стоять в стороне в то время, когда ее прихожане подвергались репрессиям со стороны властей, которая для организации давления на них пыталась собрать списки верующих по всем районам. На местах понимали всю абсурдность новой кампании и отписывались, в основном, следующим образом: “Одеському РВК. Відповідно до Вашого розпорядження від 13.03.1929, повідомляємо, що на території Бурлочо-Балківської сільради релігійної громади немає, а служителі релігійного культу в с. Сухий Лиман та Бурлача Балка не мешкають” [43].

Легче было организовать борьбу с религиозным “дурманом” в городе, опираясь на “сознательные массы рабочего класса”, который мог оказывать “революционизирующее” влияние на сознание “темных” крестьян. Но для закрытия церквей в городе тоже нужно было найти какие-то основания или поводы, сформировать соответствующее “мнение общественности”. Под влиянием партийных органов рабочие Первой мебельной фабрики г. Одессы проявили “инициативу” – отдать помещение синагоги на ул. Ленина, 32 под клуб, т. к. ее посещают “всего несколько десятков старых евреев”. Подобное решение было принято и на пробковом заводе “Большевик” [44].

Характерным в решении вопроса о закрытии церкви является постановление общего собрания парохода “Пестель” от 18 января 1930 г. (протокол № 3): “Слушали: доклад тов. Брухиса “Нужна ли религия трудящимся?” Постановили: ...религия есть дурман для трудящихся и орудие классового врага, а потому требуем от правительства закрытия синагоги на Госпитальной улице и трех церквей – Боголюбова, Трудолюбия и Алексеевской, т. к. последние показали свою контрреволюционную сущность. Проводя усиленно развития индустриализации страны, мы также требуем снятия колоколов в пользу индустриализации, тем более, что шум колоколов мешает отдыху трудящихся. Председатель собрания Дудкин, секретарь – Хурмаза. “Верно” председатель Райком вода Ингер” [45]. Следует учитывать, что общий вес колоколов 33 одесских церквей составлял 7170 пудов (один только колокол Кафедрального Спасо-Преображенского собора, взорванного большевиками в 1936 г., весил 1300 пудов) [46].

Весной 1930 г., согласно очередной директиве “сверху”, началась подготовка округа к переселению третьей очереди раскулачиваемых. В связи с этим, на заседании президиума Одесского окрисполкома 25 марта 1930 г. было намечено выселение из районов, в которых наблюдалась наиболее высокая активность раскулачиваемого крестьянства: Спартаковского, Червононо-Повстанческого, Овидиопольского, Гросс-Либентальского и Фридрих-Энгельского. Заседание поручило заокрзмотделом Гончаренко в трехдневный срок произвести отвод земельных участков для переселения. Через четыре дня, 29 марта 1930 г., во все районы округа был направлен циркуляр о немедленном составлении списков кулаков III категории. Тарасо-Шевченковскому и Андре-Ивановскому райисполкомам, куда предполагалось выселение раскулачиваемых, предлагалось “немедленно проработать вопрос о способе использования расселяемых кулаков как рабочей силы в особых трудовых дружинах и колониях на лесозаготовках, строительных, дорожных, мелиоративных и др. работах” [47].

В фондах ГАОО сохранилось немало документов ГПУ о побегах раскулаченных с мест высылки. Так, И.Ф. Русаков бежал из села Александровка, Ф.И. Скульский – из села Калаглия, А.Д. Тулянцева – из Роксолан Овидиопольского района; И.З. Кривченко – из Андре-Ивановского района и т. д. [48]. Естественно, что админотдел округа требовал немедленно выявлять бежавших из мест высылки лиц, арестовывать и отправлять их обратно [49].

Были случаи, когда крестьяне просили реабилитировать их несправедливо репрессированных односельчан. Так, 96 жителей села Санжейка подписались под заявлением с просьбой пересмотреть дело о выселении в Вологодский округ Александры Лозовской и ее детей [50]. Аналогичное письмо жители этого же села направили в Овидиопольский РИК в отношении Т.И. Коломийченко и детей И.И. Гидирима [51].

Несмотря на значительные масштабы репрессий, местные власти были озабочены тем, что для выполнения разнарядок вышестоящих партийных и советских органов по раскулачиванию “не хватало” “нужного” количества кулаков и зажиточных крестьян. Органам ГПУ приходилось выискивать любой предлог для повышения процента раскулаченных и высланных. С этой целью окрадминотдел 12 апреля 1930 г. разослал всем председателям РИКов циркуляр 3 VI-133 с грифом “совершенно секретно”, в котором

указывалось, что “потребовались сведения о возникновении: 1) красного партизанства в период 1917-1921 гг. и в каких именно селах, хуторах; 2) бандитизма в период 1917-1921 гг. с наименованием сел, деревень, где возникали беспорядки” [52].

Ответы на данный циркуляр позволяют судить об истинном отношении значительной части крестьян к власти в период проведения коллективизации. Вот что писал по этому поводу председатель Овидиопольского райисполкома Ендеренко: “Отряды красных партизан в районе организованы не были. Большая часть населения района участвовала в восстаниях против советской власти. Активно действовали села: Овидиополь, Калаглия; в остальных были организованы “Советы 10-ти”. Во всех селах наблюдалось враждебное отношение к совласти со стороны кулачества части середнячества и бедноты. Во всех селах в настоящее время наблюдается враждебное отношение к совласти со стороны кулачества и их родственников в связи с высылкой и раскулачиванием, части середнячества и незначительной части бедноты. В ответе также сообщалось, что в районе имеется всего 1016 коллективных хозяйств, а на 4540 чел. взрослого населения приходилось 66 членов КП(б)У и 226 членов ЛКСМУ – на 4121 молодого жителя” [53].

При таком положении дел завершить коллективизацию. В деревне с помощью самих же крестьян будет очень сложно. “Теперь, – писала в то время “Черноморська комуна”, – работа по проведению сплошной коллективизации округа для городских партийных, профсоюзных и советских организаций является важнейшей боевой задачей... Рабочие должны осознать, что коллективизация – дело рабочего класса, каждого рабочего”.

Активное вмешательство лояльной режиму части городского населения в жизнь села, стремление рабочих обобществить индивидуальные крестьянские хозяйства и создать из них подобие промышленных предприятий не находило понимания и поддержки у большинства крестьян, т. к. эти нововведения в корне меняли веками устоявшийся их быт, традиции, отношение к земле. Особенно тревожил жителей деревни быстрый рост МТС. В 1930 г. на Одесские их насчитывалось уже 16 (1100 тракторов), что позволило в значительной мере увеличить темпы сплошной коллективизации. Если в 1926 г. с помощью тракторных колонн было коллективизировано 3,5 % крестьянских хозяйств (4,5 % обобщественных земель), то в 1929 г. – 65 % (72,3 % обобщественных земель). В 1930 г. в крае началось строительство еще 18 МТС [54]. В 1930 г. только с помощью Шевченковской МТС, которая располагала 197 тракторами, в Березовском районе было коллективизировано 80 % хозяйств. ЦК ВКП(б) 11 августа того года одобрил опыт этой МТС и рекомендовал его для распространения по всей стране [55].

Повышение темпов коллективизации перечеркивали надежды многих зажиточных крестьян на улучшение своего положения, поэтому многие из них, да и представители местной власти, обеспокоенные нестабильностью, взрывоопасностью ситуации, пытались найти убежище за пределами СССР. Поэтому председатель окрисполкома Горбань направил председателям приграничных райисполкомов (Фридрих-Энгельский, Червононо-Повстанческий и Овидиопольский) циркуляр под грифом “цілком таємно”, в котором указывалось: “За останні роки прикордонна охорона фіксує багато випадків, коли особи, що виїхали до 7-семикілометрової

погрансмуги як для тимчасового, так і для постійного мешкання, нелегальним шляхом переходили кордон. До таких осіб переважно належать знов прийняті співробітники місцевих радянських органів, що виїхали до закритої погрансмуги з метою улаштуватися там на посаді, а потім утікали за кордон” [56]. В зв'язі з цим, органи ГПУ установили порядок, при котрому все устраиваючієся на роботу в приграничній зоні обязаны были заполнить анкету, состоящую из 28 вопросов, в том числе: служили ли в войсках и учреждениях белых правительств? Чем занимались до 1905 г. и с 1905 по март 1917 г. и с марта по октябрь 1917 г.? К какой политической партии принадлежали? (с указанием номера членского билета). Привлекались ли к суду до Октябрьской революции и после? [57]. Считалось, что такой подход позволял выявлять неблагонадежных и выселять их из погранзоны.

В ходе раскулачивания и сплошной коллективизации для нейтрализации “контрреволюционных элементов” широко использовалось и такое средство, как лишение избирательных прав. Эта кампания началась еще в 1928 г., когда 3 октября было принято постановление ВУЦИК “Про выборы Рад”, на основании которого в округе была разработана инструкция и издан приказ по окрадинотделу № 92 от 10 августа 1929 г. о выборах в местные Советы. Из протоколов заседаний окружной и районных комиссий по проверке лиц, лишенных избирательных прав, видно, что такого права лишали за следующие действия или социальную принадлежность: “торговки, як особи, що живуть на нетрудовій прибутки; як особи, що утримували батька-торговця; як скупщики борошна; як особи, що знаходилися під слідством; як особи, що утримували батьків, позбавлених виборчих прав; як колишніх поліцаїв; як колишнього крамаря; як експлуататора найманой праці; як скупника худоби; як чужого елемента (?! – авт.); як колишнього торговця; як колишнього стражника, як жінку стражника; як особи, що здає гроші під процент; як рабина; як колишнього власника чи орендатора парового млина; за продаж самогону” и т. д. Только по Любашевскому району было лишено избирательных прав 1305 человек [58].

Если одних, как классовых врагов, раскулачивали, лишали избирательных прав, то других “за искривление партлинии в колхозном строительстве” увольняли с работы. Таким образом руководство демонстрировало перед крестьянством, что причиной их бедствий является не партия, а нарушители ее политики на местах. Эти люди сделали “черную работу”, теперь от них можно и нужно было избавиться. В начале 1930 г. в Андре-Ивановском, Спартакоском, Благоевском, Захарьевском, Троицком, Червонно-Повстанческом, Жовтневом и Тилигуло-Березанском районах было переизбрано 16 сельсоветов, 22 председателя сельсовета, освобождено от обязанности уполномоченных райисполкомов 9 человек [59].

К весне 1930 г., “опираясь на массы трудящихся”, (в районах – на собраниях, в селах – на сходах) в 17 районах Одесского округа было раскулачено 3890 хозяйств (88,2%), изъято 42 тыс. га земли (89,2%), 6031 голова крупного рогатого скота (96%). Общая стоимость конфискованного имущества составила 5 млн рублей [60].

Но самый главный итог раскулачивания и сплошной коллективизации (в том числе в Одесском округе) – это искалеченные судьбы тысяч крестьян, членов их семей. В октябре 1930 г. в округе были

созданы межрайонная прокуратура и межрайсуд. Для расследования “сельских дел” был назначен специальный прокурор [61]. Среди дел, рассмотренных межрайсудом за полгода деятельности, 41% связаны были с террористическими актами; 12,5% – с поджогами, 24,2% – с контрреволюционной агитацией; 16,8% – с бандитизмом; 4,6% – “зі зловживаннями владою”; 1,5% – “з розбратами”. Таким образом, основную часть дел составляли правонарушения, совершенные на почве “классовой борьбы”.

Социальное происхождение прошедших через суд выглядело следующим образом: кулаки – 36,6%; нэпманы – 14,3%; середняки-подкулачники – 30%; кустари – 0,5%; бедняки – 12,4%; служащие – 3,1%; рабочие – 3,1%. Таким образом, основную массу сопротивлявшихся сплошной коллективизации (80,9%) составляли кулаки, нэпманы и середняки. К этой категории осужденных были применены следующие меры наказания: к расстрелу приговорено 19,3%, к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет – 32,3%, от 1 года до 5 лет – 24,9%, условно осуждено – 4,6%, к принудительным работам – 4,8%, оправдано – 14,2%. За нарушения, связанные с хлебозаготовками, было осуждено: кулаков – 46,6%, середняков – 28,5%, середняков – 14%. За неуплату налогов к суду было привлечено 500 человек, в т.ч. торговцев – 82%, кустарей – 11,5%, нэпманов и др. – 6,5%. К данным категориям “врагов” совласти были применены следующие меры: 25% лишены свободы с высылкой в отдаленные лагеря на срок от 5 до 10 лет, 46% – на срок от 2 до 5 лет, 21% – осуждены на принудительные работы [62].

Прокуроры, призванные следить за исполнением законов, так оценивали объективность решений судов за период с 1 октября 1930 г. по 12 января 1931 г.: оставить решение суда в силе – 46%, изменить решение суда как слишком мягкое – 38%, решение суда слишком суровое – 15%, отменить приговор в связи с нарушением процессуальных норм – 14% [63]. Оценивая деятельность прокуроров, руководители прокурорского надзора отмечали: “выводы прокуроров по всем рассматриваемым делам являются однообразными, ... поэтому складывается впечатление, что они составлялись стереотипно...” И, несмотря на это, прокурорский надзор заключал: “...прокуратура в своих выводах и протестах придерживается правильной классовой линии” [64].

Таким образом, высокие темпы раскулачивания и сплошной коллективизации в Одесском округе объяснялись тем, что первые же попытки крестьянства оказать сопротивление мероприятиям советской власти в деревне были оперативно пресечены целым комплексом репрессивных мер политического, экономического и организационного характера. К политическим относились: аресты с последующим расстрелом или заключением в тюрьму, высылка, лишение избирательных прав, создание в глазах городских рабочих и служащих “образа врага” из сельских жителей, провокационное натравливание друг на друга различных категорий крестьянства и др. Основными мерами экономического давления на крестьян были: конфискация имущества, налоговое давление, исключение кулаков и части середняков из кооперативов, запрет на покупку товаров в колхозных магазинах, продажи продукции на рынках и др. Наиболее эффективно применялись организационные меры: участие в репрессиях органов ГПУ, милиции и армии, создание сети доносителей и осведомителей,

расстановка на всех руководящих постах лояльных режиму людей, оперативная “нейтрализация” “подстрекателей”, организаторов выступлений крестьян, действие антикрестьянского законодательства, создание межрайонных судов и прокуратур, формирование соответствующего общественного мнения с помощью газет, агитбригад, слухов, использование на местах для давления на крестьянство вооруженных коммунистов, комсомольцев.

Проведение политики коллективизации носило не только антидемократический, но антигуманный, исторически несправедливый характер. Власти решали трудные экономические проблемы, которые сложились в стране, за счет наиболее предприимчивой части крестьянства. Руководители партии и государства понимали, что такая политика не будет поддержана не только зажиточными селянами, но

также и середняками, и даже частью беднейшего крестьянства. Поэтому директивы, постановления, циркуляры власти для простого народа и для местных партийных и советских органов существенно разнились. Для местной власти указания сверху всегда шли с грифом “совершенно секретно”. Уже тогда формировалась практика, положенная в основу функционирования командно-административной системы, – сокрытия правды от собственного народа, использования граждан собственной страны как статистов исторической драмы, “винтиков” тоталитарной по своей сути государственной машины.

Все это, в конечном итоге, привело не только к ликвидации зарождавшегося фермерства, но и к физическому уничтожению миллионов крестьян в концлагерях и во время голодомора 1932-1933 гг.

ЛІТЕРАТУРА

1. Коллективизация і голод на Україні, 1929-1933 / Відп. ред. С.В. Кульчицький. – К., 1992; Конквест Роберт. Жнива скорботи. Радянська колективізація і голодомор. – К., 1993; Івницький Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1996; Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). – Винница, 1997; Кульчицький С.В. Україна між двома війнами (1921-1939) // Україна крізь віки. – В 15 тт. – Т. 11.- К., 1999; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 тт. – Т. 3 (конец 1920-х – 1933 гг.) / Под ред. В. Данилова. – М., 2001; Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки. – К., 2003; Кульчицький С.В. Голодомор 1932-1933 рр. в Україні як геноцид // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. – Міжвідомчий збірник наукових праць. – Вип. 14. – К., 2005. – С. 225-300.
2. Миколаївщина і колективізація сільського господарства і голод (1929-1933): Док-ти і матеріали. – Миколаїв, 2000; Голодомори в Україні: Одеська область (1921-1923, 1932-1933, 1946-1947). Дослідження, спогади, документи / кол. авт. та упоряд. – Одеса, 2007.
3. Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – К., 1990.
4. Діброва С.С. Сталінська колективізація: погляд крізь час // Там само. – С. 18-19.
5. Союз серпа и молота. – Киев – Одесса, 1977; Из истории Одесской партийной организации. Очерки. – Одесса, 1964; История городов и сел Украинской ССР. В 26 тт. – Одесская область. – К., 1978; Очерки истории Одесской областной партийной организации. – Одесса, 1981.
6. Гусева С.О., Цобенко М.М. З досвіду розв'язання національного питання на півдні України (1920-1930 рр.) // Український історичний журнал. – 1991. – № 2. – С. 45-57.
7. Гонтар А.В. Деякі питання міжнаціональних відносин на Україні в 20-і рр. // Український історичний журнал. – 1991. – № 7. – С. 125-130.
8. Дорогой созидания. Социалистическое строительство на Одессине: Документы и материалы. – Одесса, 1981.
9. Дружба, сотрудничество и братская взаимопомощь: трудящиеся Одесской области в социально-экономическом и культурном сотрудничестве народов СССР. Документы и материалы (1917-1982). – Одесса, 1985.
10. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 1972.
11. Там же. – Д. 2138.
12. Там же. – Д. 2195;
13. Там же. – Д. 1642;
14. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 506.
15. Там же. – ФР. 1200. – Оп. 1. – Д. 4.
16. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504.
17. Там же. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 1608.
18. Там же. – Д. 2208.
19. Там же. – ФР. 866. – Оп. 4. – ДД. 49, 50; Оп. 8. – Д. 248. – Оп. 1. – ДД. 508, 509; ФР. 1234. – Оп. 1. – ДД. 1059, 1175; ФР. 2162. – Оп. 1. – Д. 103.
20. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [далее – КПСС в резолюциях...]. – Т. 5. – М., 1984. – С. 74.
21. Правда. – 1930, 11 января.
22. ГАОО. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504 – Л. 2.
23. Там же. – Л. 3.
24. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 4. – Кн 2. – М., 1971. – С. 54.
25. ГАОО. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 506. – ЛЛ. 25-26.
26. Там же. – Д. 504. – Л. 6.
27. Там же. – Л. 1.
28. Там же. – Л. 8.
29. Там же. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 1608. – Л. 52.
30. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 107.

31. Там же. – ЛЛ. 11-12.
32. Там же. – ЛЛ. 12-13.
33. Правда. – 1930, 24 января.
34. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иваницкого. – М., 1989. – С. 346.
35. ГАОО. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 506. – Л. 77.
36. Там же. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 2208. – ЛЛ. 182-192.
37. Там же. – Л. 234.
38. Там же. – ФР. 866. – Оп. 4. – Д. 50. – ЛЛ. 4-5.
39. Там же. – Л. 6.
40. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 508. – Л. 26.
41. Там же. – ФР. 1234. – Оп. 1. – Д. 1175. – ЛЛ. 7-9, 32, 35.
42. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504. – ЛЛ. 17, 26.
43. Там же. – ФР. 866. – Оп. 4. – Д. 49. – Л. 8.
44. Там же. – ФР. 1234. – Оп. 1. – Д. 1059. – ЛЛ. 2, 4, 7, 9.
45. Там же. – Л. 48.
46. Там же. – Л. 78.
47. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 20.
48. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 509. – ЛЛ. 3, 7, 12, 37, 44.
49. Там же. – Л. 183.
50. Там же. – Д. 508. – ЛЛ. 15-16.
51. Там же. – ЛЛ. 17-18, 20.
52. Там же. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 23.
53. Там же. – ЛЛ. 21-22.
54. Очерки истории Одесской областной партийной организации. – С. 261, 275.
55. КПСС в резолюциях.... – Т. 5. – С. 477.
56. ГАОО. – ФР. 1103. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 31.
57. Там само. – ЛЛ. 32-33.
58. Там само. – ФР. 2162. – Оп. 1. – Д. 103. – ЛЛ. 1-110.
59. Там же. – ФР. 969. – Оп. 8. – Д. 348. – ЛЛ. 1-2.
60. Очерки истории Одесской областной партийной организации. – С. 271, 274.
61. ГАОО. – ФР. – 1209. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 27.
62. Там же. – ЛЛ. 65-66.
63. Там же. – ЛЛ. 69, 72.
64. Там же. – Л. 73, 83.